

ЛАРИСА РОМАНОВСКАЯ

ЗАХОЛУСТЬЕ

• ПОКА Я ЗДЕСЬ •

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ХУДОЖНИК
САША САВОЯР

МОСКВА
2022
W BOOKS!

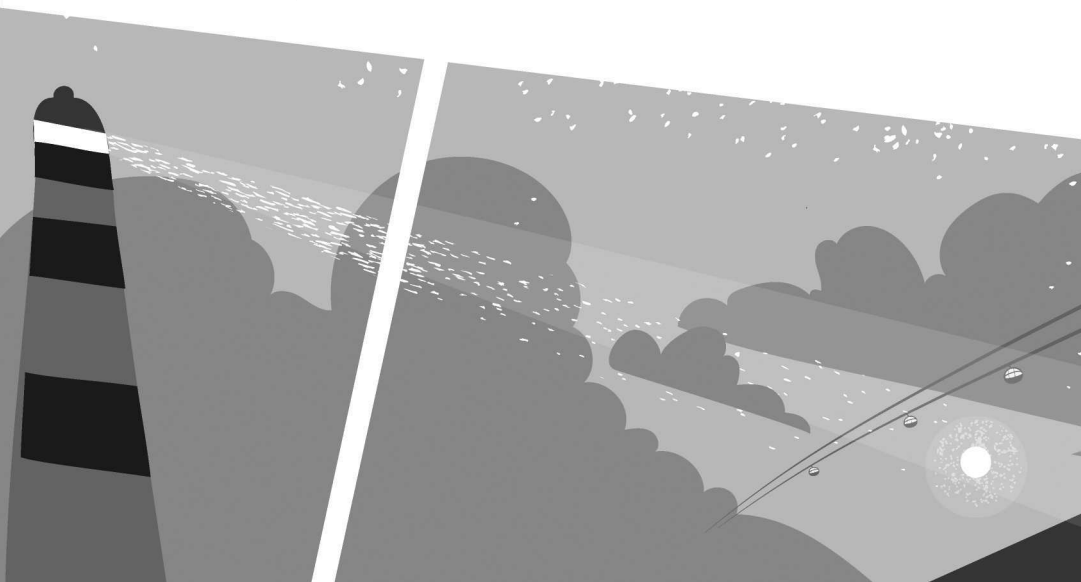
О ФЛАВЛЕНИЕ

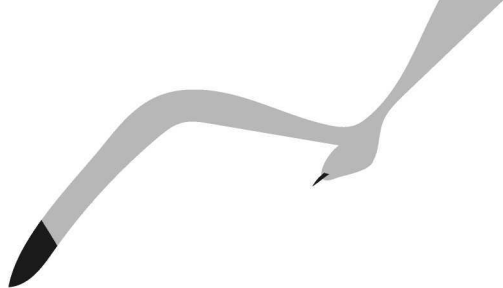
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I	9
ГЛАВА II	42
ГЛАВА III	60
ГЛАВА IV	91
ГЛАВА V	115

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I	169
ГЛАВА II	188
ГЛАВА III	201
ГЛАВА IV	230
ГЛАВА V	242

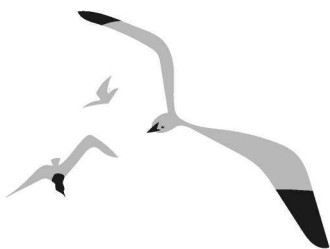

Посвящается Алексею Копейкину

Исполни свой долг, Джонни.

Стивен Кинг, «Мёртвая зона»

ТЪМА

ТАЙ (ТЩАЙ)

СЕСТРА АЙЯ

ВИКА (ДЫМ)

ЮРА (ЙУЛА)

МАМА ТОЛЛИ
(МАТЬ АНАТОЛИЯ)

СТАРЕЦ ЛАРИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1

Если я не начну это записывать, то сойду с ума. Я проверяла.

Я больше не могу лежать и смотреть, как на стене танцуют тени. Ветер как музыка. Тени листьев обнимают тени яблок... Тут первый этаж, снаружи яблоня. Август.

Уже август, а был июнь. Шестое число. Рассвет. Я в ту ночь почти не спала, потому что было слишком волнительно и переживательно. Уснула в папиной машине сразу как села. Даже когда мы ещё не поехали. А потом был белый дым за лобовым стеклом.

Дым. Это особенное слово, оно что-то значит, специальное, не то что на самом деле.

Дым.

Дым — это я. Не понимаю, почему так. Но вот знаю. Дым — это я. И мне очень спокойно от этого. И тогда, в машине, я смотрела сквозь разбитое стекло и думала «Дым». А уже потом, когда мне помогли вылезти, когда посадили на бордюр, я испугалась... И всё забыла. Сейчас вспоминаю, но оно кусками, какое-то рваное... И улетает. Как дым, да. Как сон.

Я заснула, когда мы с папой ещё не выехали с дачи, а проснулась посреди пустой серой дороги. Я сидела на переднем сиденье. За рулём папы не было, за стеклом поднимался дым из нашей машины. А самого стекла тоже не было, но я это не сразу поняла.

Мне кажется, я помню, как мы врезались. Я не хочу этого помнить, но помню.

Было шестое июня, раннее утро. Мы ехали с дачи в Москву. Мне очень надо было в Москву. Папе на работу, а мне по моим делам, они мне тогда казались очень важными.

Если бы я так не думала, я бы осталась на даче. И сдала бы экзамены в гуманитарный лицей на «Славянском бульваре». Были бы каникулы, пришли бы результаты. И я бы поступила в десятый гуманитарный! Наверное.

А сейчас просто конец августа. Я лежу на террасе, смотрю, как на стене тени танцуют. Узкие тени — листья. Овальные — яблоки.

Это яблоня. Тут первый этаж. Значит, это дача.

В Москве будет шестой этаж. В больнице был не помню какой, я там смотрела в потолок и стены, а потом меня забрали.

Это было в июне. Сейчас август. Мне приходится себе напоминать, какой месяц и где я. Я себя не очень хорошо помню. Что было раньше — нормально, а что сейчас — нет.

Я Вика, мне пятнадцать, у меня есть мама, папа и собака. Это я помню.

А про лекарства не помню. Мама всё время говорит *Вика, пей таблетки, Вика, пей таблетки*, а мне кажется, что я их уже пила. Но мама показывает коробочку с клапанами, там четыре отделения, в каждом гремит, на клапанах большие буквы «У», «Д», «В», «Н» — «утро», «день», «вечер», «ночь».

Я сплю часто, поэтому не понимаю, когда утро, а когда день. Не могу соотнести свет и время, время и место.

Раньше было ещё хуже. Раньше я вместо реальности помнила то, чего не было на самом деле. Про Юру, про белый Экран, про то, как от меня всё зависит.

Наверное, когда папина машина врезалась в чужую машину, мне снилось про Экран и про Захолустье. Если резко проснуться, то в последнюю секунду увидишь очень многое, целую историю; только она оборвётся...

Про Юру и про Экран — это такой вот сон. И я из него проснулась прямо в середину аварии.

Дым за стеклом, осколки, папы рядом нет. А впереди чужая машина, так близко, как не бывает на самом деле. Я тогда закрыла глаза, и Юра снова сказал, что если мы не сделаем, то никто не сделает.

На самом деле его не Юрой звали. Имя похожее, но я не расслышала. Во сне я уже оказывалась посреди чужих важных событий, и все знали, что было и что скоро произойдёт, а я нет. И я знала, что нельзя подавать виду, а то проснёшься...

Ну вот, с Юрой было именно так. Я не смогла как следует расслышать его имя, но оно было похоже на «Юра», и если быстро произнести, то не заметят, что неправильно... Будет сокращённо и поэтому неразборчиво. Как, например, «Ксансанна» — Оксана Александровна. Я сейчас не помню, кто это. Кто-то из школы или из больницы. Или из полиции.

Но про Ксансанну мне не важно. Мне надо понять про Юру, про Экран и про то, что я тогда видела. Я понимаю, что это сон. Я спала, когда папа врезался. И поэтому сон так сильно запомнился, а потом никак не мог закончиться. Просто сон.

И сотрясение мозга.

И страх.

И лекарства — от головной боли, от давления. Чтобы стены не кружились, чтобы мозги лучше работали, чтобы глаза лучше видели, чтобы в ушах не звенело, чтобы спать, ничего не боясь.

Авария, лекарства. Юры не было. Никакого Экрана не существует. От меня ничего не зависит.

Но почему тогда после июня я помню сразу конец августа? Почти три месяца пропущено. Он столько и просил, и ему неоткуда было взять. Но я же не могла ему своё время передать: это же не яблоко дать откусить, не шоколадку отломить. Там всё сложнее, я даже помню, как именно.

— Вика, таблетки!

— Мама, я уже...

— Не уже. Это было после завтрака. Пей сейчас!

Мама показывает коробочку с клапанами. Там, где «У», пустой отсек, там, где «Д», лежат таблетки. А я была уверена, что выпила их... Мне поэтому и кажется, что я сошла с ума. Сон и реальность совпадают в деталях, складываются, как пазлы.

Я попробую записать, чтобы не забыть и не запутаться. Очень тяжело столько набивать на мобильном, пальцы уже устали, но мне надо, я больше не могу просто слушать, как тень яблони по стене шуршит.

Мы на даче. За окном яблоня. С неё падают яблоки. Мама посмотрела, как я пью таблетки, и пошла собирать эти... падаль? пальцы? Не помню, слово похоже на «повидло». О, вспомнила, это вроде бы называется «падальцы». Раньше бы меня отправили за падальцами. Но сейчас мама сама. Там солнечно и ещё почти тепло. Мама на улице, и Мелочь,

разумеется, тоже. Меня никто не трогает, мне никто не мешает. Мне никто не заглянет в телефон, не узнает, про что я пишу.

Я знаю, что это мне приснилось. Но если всё-таки нет? Если нет, то от меня очень многое зависит. И я не знаю, получилось ли у Юры то, что он хотел, смогла ли я ему помочь? Если он мне снова не приснится, я об этом не узнаю. Никогда.

2

Момент, с которого я помню: мы с Юрой идём по городку. Юра рассказывает, как у них что устроено. Ощущение помню, свою радость: мне специально про всё говорят, значит, Юре важно, чтобы я нормально ориентировалась. Он обо мне заботится...

Вот, мы идём, Юра говорит, я киваю. Я должна всё запомнить, но я не слушаю, а смотрю. Хороший городок, но не очень настоящий. Как будто нарисованный, как из мультфильмов Миядзаки, ярко, но не приторно. Все дома невысокие, красивые. Вокруг клумбы, флюгеры, деревья. Листья, плоды и лепестки. Одни деревья осыпаются, другие цветут.

Почти вечер. Солнце пока не очень низко, но скоро уйдёт за горы.

Тут горы вдалеке. Много синего ветра. И золотого ветра тоже. Это когда одновременно ветер дует, солнце светит, небо ясное, листья шуршат. И в солнечных лучах что-нибудь бликует золотом:

вода в фонтане, форточка в окне, зеркало в машине. Вот, машина мимо проехала. Всего одна и непривычная, у неё на крыше багажник очень странный, блестит как зеркало.

Этот город немножко ненастоящий, потому что тут людей почти нет, только мы с Юрой. Если мы на улицу сворачиваем, она сперва пустая, а уже потом начинается движение.

Женщина в сад выходит, ребёнок на самокате проезжает, но они вдалеке, лиц не разглядеть, будто их не прорисовали; собака лает так, будто её включили, сняли с паузы. Очень знакомо лает, звонко, как Мелочь, когда я из лифта выхожу... и от этого хорошо, спокойно. А вот ещё одна машина появляется — тоже вдалеке, сворачивает во двор. У неё тоже на крыше вместо багажника зеркало.

Это на мультик или на спектакль похоже. Как будто перед нами крутящаяся сцена, и вот она повернулась, и теперь нам показывают новый кусочек декорации, и там второстепенные персонажи разными делами заняты, но только когда мы на них смотрим. А когда мы отвернёмся, они замрут и не будут шевелиться.

Я вспомнила большой макет города в каком-то музее — там тоже разные мелкие детальки двигались, поезд ездил и мигали огоньки. Но вспоминать сейчас было нельзя, я бы отвлеклась на реальность, проснулась.